

Секция «Журналистика»

"Петровский вопрос" в журнале "Москвитянин" (1841 - 1847 гг.)

Сартаков Егор Владимирович

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, журналистики,
Москва, Россия*

E-mail: esartak@mail.ru

Петр Великий – фигура для русской истории одновременно знаковая и проблематичная: цивилизатор и варвар, творец России и антипатриот, демиург и религиозный отступник. Подобные антиномии свидетельствуют о существовании особого «петровского вопроса», история которого, по справедливой мысли А. А. Кизеветтера, «поучительна для нас не менее истории петровского царствования» [3, 641]. В журналистике особенно остро «петровский вопрос» встал в 1840-е гг. – период всё возрастающей полемики западников, славянофилов и сторонников теории «официальной народности». Включился в неё и единственный тогда в Москве «учено-литературный» толстый журнал «Москвитянин» (далее – «М»), издававшийся М. П. Погодиным. С 1841 по 1847 гг. Петр так или иначе фигурировал в 30 материалах «М».

Журнал открылся программной статьёй Погодина «Петр Великий» (1841. 1, под текстом помета – 11 сентября 1838 г.). Это явный апофеоз Петру I и начатому им делу строительства «России Европейской». Погодин создал мифологему идеального государя, реализацией которой провозглашался Петр I.

Ключевой момент в статье – уподобление (с акцентом на преемственность) Петра I и Николая I: Петр начал в истории России период Европейский, закончившийся со смертью Александра I, а Николай, «которого Министр [С. С. Уваров – Е. С.] в троеславной своей формуле России после православия и самодержавия поставил народность», начал Национальный период русской истории. Этот тезис повторен Погодиным из предисловия Уварова к «Журналу Министерства народного просвещения» (1834. 1), в котором подводились «итоги» соревнования России с Западом (начатого Петром I) и утверждалось, что ныне страна наконец достигла «высокой чреды славы и величия». По мысли министра, наступил качественно иной этап соревнования и дальнейшее подражание Западу нецелесообразно.

Погодин условно выделил три этапа в восприятии деятельности Петра современниками и потомками. При жизни царя «только небольшое количество окружающих людей было предано ему». Напротив, «неограниченное и безусловное благоговение» к Петру началось сразу после его смерти и продолжалось «слишком сто лет». Наконец, в современной Погодину России «слышатся голоса противные». Так в статье постулировалась задача возродить благоговение к личности Петра и, соответственно, подчеркнуть соразмерность целей европеизатора России с новыми задачами, стоящими перед Николаем I. Под «голосами противными» имелась в виду и традиция во многом консервативной по своим идеологическим основам историографии, идущей ещё от Н. М. Карамзина. Автор «Записки о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» (1811, опубл. 1870) обвинял Петра в том, что его «целью было не только новое величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских» [3, 148]. Погодин, отвечая

подобным обвинениям в адрес Петра, утверждал, что «Россия есть часть Европы <...> Волею и неволею она должна была подвергнуться влиянию Европы».

Автор «М» считал необоснованным по примеру Карамзина «почтить одни учреждения и осудить другие», к «коим увлекся он [Петр. – Е. С.], овладевший духом преобразования». Весьма осторожен Погодин и в комментариях по поводу упреков Петру в отказе от самобытного: «Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ» [3, 149]. На это Погодин ответил, что «вопрос о бритве бороды и вопрос о Немецком платье я не осмеливаюсь за Петрово время решать безусловно».

Карамзин упрекнул Петра также в жестокости: новая столица России была построена «на слезах и трупах» [3, 152]. Во времена Погодина эту позицию отстаивал А. И. Герцен, утверждавший в 1843 г., что цель царя была высокой, но «варварские» методы Петра, тираническое «из-под кнута» обращение с Россией не могли оправдать этой цели [3, 785]. Погодин же объяснял жестокость Петра его «темпераментом и обстоятельствами» того времени. Как ни парадоксально, Погодин в этом отношении сходилась со своим давним оппонентом – В. Г. Белинским, прямо утверждавшим, что «жертвы, с какими построен Петербург, <...> искупаются необходимостью и результатом» [3, 207]. Вообще при явных переключках в позитивных оценках европеизаторской деятельности Преобразователя, эти публицисты четко расходились в понимании нынешнего этапа в развитии России.

В рецензии Белинского на «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова («Отечественные записки». 1841. 3 – 4) ощущается скрытая полемика со статьёй Погодина. «Неистовый Виссарион» считал, что европеизация России должна быть продолжена, а те, кто думают, что в настоящий момент в русской истории наступил период национальный, «уничтожают, сами того не замечая, всю великость» дела Петра [3, 180]. В отклике Белинского имя редактора «М» не названо, однако внимательный рецензент «Отечественных записок» едва ли мог не знать статьи Погодина, вышедшей незадолго до его собственной.

В целом положительно отзывался о Петре I и ведущий литературный критик «М» С. П. Шевырев. В отличие от Погодина 1841 года и ещё более от критиков Петра он считал, что «преобразование Петрово не отрицало древнюю Русь в том, что она заключала в себе существенного, неизменного, непреложного» (1844. 1). Эпоха Петра в целом органично связана с предшествовавшим периодом отечественной истории. Между тем крайности последствий петровских реформ Шевырев осуждал. Так, в его рецензии на «Петербургский сборник», изданный Н. А. Некрасовым в 1846 г., отмечалось: «Вся эта литература есть последний осколок от тех крайностей отречения от всего Русского, к которым могло привести Петрово преобразование» (1846. 3-4).

Имя Петра I встречалось и в отделах «Проза», «Изящная словесность». В рецензии Ф. Л. Морошкина на книгу Г. К. Кошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (СПб., 1840) реформы Петра охарактеризованы как «блестящие перемены» (1841. 3). Содержательная информация о русском императоре и в отделе «Науки», где печатались в основном найденные Погодиным архивные материалы. С одной стороны, историк знакомил публику с результатами своих изысканий, с другой – подводил читателя к мысли о Петре как о просветителе-универсалисте. Были опубликованы указы Петра I о гражданском устройстве России (1842. 12; 1844. 9); военные инструкции (1843. 12); материалы о его астрономических занятиях (1843. 11).

Итак, в 1841 – 1847 гг. в журнале «М» в первую очередь стараниями его редактора «петровский вопрос» решался вполне в духе государственной идеологии: создавался миф о Петре Великом как идеальном для своего времени правителе и обосновывались новые задачи, ставшие перед Россией при преемнике Петра – Николае I.

Литература

1. Зорин А. Н. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004.
2. Песков А. М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М., 2007.
3. Петр Великий: pro et contra. СПб., 2003.
4. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.